Владимир КАЛЯГИН

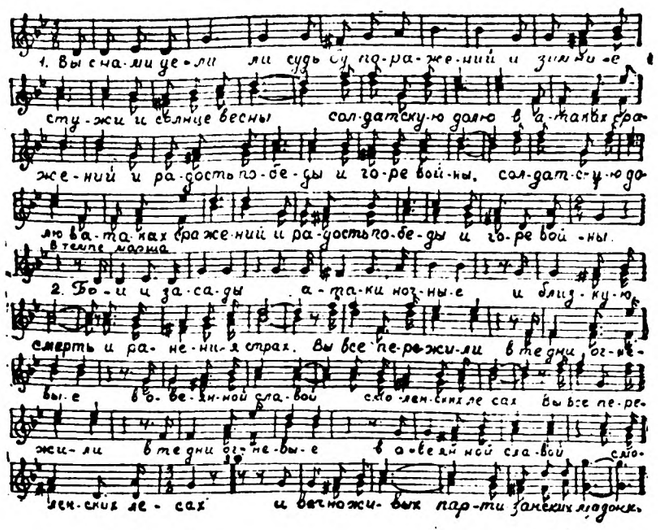
Сердцу не забыть

Так защемило — «видно, не поеду»,
таблетку сунув под язык, притих.
«А хорошо бы встретить День Победы
средь боевых соратников своих.
Делили с кем и радости, и беды,
и пыль, и слякоть фронтовых дорог,
и каждый, приближая час Победы,
свершил гораздо более, чем мог.
Сроднились так, что не бывает ближе,
в тот грозный, трудный для Отчизны час,
ведь равный шанс и умереть, и выжить
был на войне у каждого из нас.
Они и ромбом шли на нас, и клином.
Паук грозился в землю нас втоптать.
Сплошной стеной от Волги до Берлина
могли бы павшим памятники встать.
Хватило нам и силы, и отваги,
На том стояла Русь во все века,
и водрузили над Берлином стяги,
поотшибав рога у паука.
Не все из нас до дома дошагали.
Какие парни в землю полегли!
Они друзей в бою оберегали.
Они себя ни в чем не берегли.
Их помнят города и деревушки,
любовью, что не может быть нежней,
во дни торжеств им салютуют пушки
всем разноцветьем праздничных огней.
А много ль нас, что принесли Победу,
а живых осталось: скоро хоть в музей.
Как под обстрелом, ну к кому поеду,
повыбивало временем друзей».
Сидел он, спину думою сутуля,
привычно ждал, что боль сойдет на нет.
И дай-то бог, чтоб разминулся с пулей,
к нему летящей из окопных лет.

★ ★ ★

Идем за гладким корнем, за солодкой.
Зима прошла — голодным дням конец.
И кто-то тонко вслед кричит: «Во-ло-дь-ка, беги домой, вернулся твой отец!»
А нас, Володек, чуть не половина,
и чей пришел, попробуй, разберись,
и крик, как несработавшая мина,
«бежать, бежать»—а ноги отнялись.
И я, мальчишкой радости не знавший,
сорвался первый: понял, наконец,
из всех погибших, без вести пропавших
на все село вернулся мой отец.
Мать по нему давно отголосила,
отец поверил горю своему,
его жена фамилию сменила,
и только сын не верил ничему.
Глухой к увещеваньям и угрозам,
я убегал надолго за село
и кулаком размазывая слезы,
«Он жив»—твердил отчаянно и зло.
И ни при чем молитвы или боги,
простым воображением мальца
я видел край передний, и дороги,
и строй солдат, и в том строю отца.
И вот лечу, себя не ощущая,
к груди солдатской орденом прирос,
колючих щек его не замечая,
не слыша слов, не сдерживая слез.
В пыли дорог отец казался рыжим.
Счастливым был судьбы моей изгиб.
Я, может, сам лишь потому и выжил,
чтоб он не потерялся, не погиб.
На сорок лет того себя я старше,
и без отца я встретил столько дат.
Он возвратился в строй священный павших —
с войны не возвратившихся солдат.

Слова А. СЕРЕДЫ — Музыка Н. КАТАЕВОЙ

ПАРТИЗАНСКИЕ МАДОННЫ

Вы с нами делили судьбу поражений,
И зимние стужи, и солнце весны.
Солдатскую долю в атаках сражений,
И радость Победы, и горе войны.

Бой и засады, атаки ночные,
И близкую смерть, и ранения страх,
Вы все пережили в те дни огневые
В овеянных славой смоленских лесах,

Походы под свист леденящей поземки,
Потерю любимых, блокады лесов.
Скрывали вы слезы, усталость, девчонки,
В морозные ночи у дымных костров.

Осенние ветры не раз расплетали
Тяжелое золото девичьих кос,
Туманы их густо росой покрывали,
А снегом — метель и мороз.

Пусть песни о вас никогда не смолкают
В тенистых дубравах смоленских лесов,
И в песнях пусть ваши улыбки сверкают
Сквозь пламя и дым партизанских костров.

Нам дороги песни о подвигах ратных,
О юности нашей военных времен,
О доблестной славе, как в сказке, прекрасных
И вечно живых партизанских мадонн.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

О ТОМ, ЧТО В ХМУРЫЙ ДЕНЬ ДАЛЕКИЙ СО МНОЙ СЛУЧИЛОСЬ НА ВОЙНЕ...

Михаил КИЛЬЧИЧАКОВ

Живая кровь

Пуста, безжизненна, бескровна
Под небом жарким, как огонь,
Лежала степь, сухая, словно
В морщинах старая ладонь.
В пыли с моим ботинком рядом
Цветок увидел чахлый я.
Кругом — окидываю взглядом —
Нет ни колодца, ни ручья.
И потянулась к теплой фляге
Сама собой моя рука.
И вылил я остатки влаги
На корень бедного цветка,
И чудо я увидел вскоре:
Хоть был, как прежде, зной жесток,
Бодрее стал в неравном споре,
Встряхнувшись, ожил мой цветок!
И тот оживший, одинокий
Степной цветок напомнил мне
О том, что в хмурый день далекий
Со мной случилось на войне.

Год сорок первый.
Возле Ржева
Дорога вдрызг разбита вся,
И смерть направо и налево
Свирепствует, бойцов кося.
Огонь сплошной,
смертельный, шквальный...
Большая дымная заря...
Потом на койке госпитальной
Меня латали лекаря.
Лицо — безжизненной бумаги,
И губы синие, как снег...
Как не живет цветок без влаги,
Не жив без крови человек!
О, кто ж ты, близкий и далекий,
Помогший мне восстать с одра.
Мне кровь отдавший в год жестокий
Мой брат, а может быть, сестра?
Не та ли, что в борьбе со смертью
Жизнь отстояла не одну—
Сестра, сестрица милосердья,
Как называли в старину?
Голубоглаза, русокоса
Была, мне помнится, она,
В халате белом, как береза,
И величава, и стройна...
А может быть, в меня когда-то
Втекла, спасение даря,
Кровь белоруса иль бурята,
Эстонки, ненца, лопаря, —
Не знаю! Но под небом этим,
И животворна, и тепла,
Она живет во мне — и к детям
В свой срок в наследство перешла!
Когда я зло встречаю где-то,
Она волнуется во мне!
Далекий друг мой, кто ты, где ты,
В какой ты нынче стороне?
Где пролегла твоя дорога?
Живешь, смеясь или скорбя?
Когда б, как дед, я верил в бога,
Я помолился б за тебя!
Но я — певец иного века.
В моем отеческом краю
Не в бога верю — в человека,
Его люблю, о нем пою.
Проходят времена и сроки,
Виски покрылись сединой...
Будь счастлив, близкий и далекий,
Мой незнакомый!
Мой родной!

Перевод И. Фонякова.

М. Кильчичаков — ветеран войны, лауреат премии Союза писателей РСФСР.

Лев КАРАСЕ

ДЕСЯТЬ МИНУТ АТАКИ

Тем, кто ушел в бой со школьной скамьи и не вернулся.

Видно, дано не всегда
Жить настоящим мгновеньем,
Если давят былые года.
Рафаэль АЛЬБЕРТИ.

...Ты возникаешь из теней,
Из света далекой звезды,
Из пашни, ее борозды,
Новым уже поколеньем.
Проделанной по соседству
С могилой твоей, и в сны
Врываешься жаркосердцым,
Как ветер и небо, земным...
И пусть наши страсти горят,
Не тревожа тебя. Увы,
Не ведают звезды утрат,
И тени не знают любви.
Вместе с последним конвертом
В пожитках войны немудрых
Ты все это перед смертью
Оставил на долю живых.
А сны — это снова и снова
Памяти голос и слово...

. . . . . .

Минуты...
В ручье торопком
Так струи упрямо скользят.
Так вьется песок окопа
Под ветром настырным в глаза...
А сердцу, а сердцу тесней,
Все тесней... Стучится в висок
В свистящей тоской тишине
Пудовый его молоток.
И... тает во мне мужчина
В настороженной немоте,
А надо сжаться пружиной,
А надо рывком к высоте...
Тут, на пороге испуга,
Скорее, еще и еще
Хочется чувствовать друга
Прижатое к травам плечо,
И поровну судьбы деля,
Обычные, фронтовые,
Я, кажется, тут впервые
Почуял, как пахнет земля...
Вчера еще был Чапаем,
От всех и себя скрывая,
Что вероовал страхам слепо:
Погост в глубокую полночь,
Отрытые зевы склепов,
Нечистая разная сволочь
Болота и глубей земли
Разом и все по порядку
Ребячью душонку трясли
Безжалостной лихорадкой.
А ты?.. Никакой маяты...
Тертый пятак?..
Не в новинку?..
В губах перекатывал ты,
Поламывая, травинку,
Будто мимо тебя гроза
И смерти голая стужа.
Только в узких щелках глаза
Да складка межбровья глубже.
Я видел всему вопреки:
Живой неуместной рыбкой
С незнающей бритвы щеки
Взлетела, скользнув, улыбка...
И тут же: где-то медвежья
Послышалась поступь грома,
Неразличимое прежде
Облако стало огромным,
Залопотали, как дети,
Скороговоркой березы.
В утреннем зыбистом свете
Брызнули искрами росы.
За дальней тропой поляны,
Где яр в черных капельках дыр.
Будто на киноэкране
Тревожный раздвинулся мир...

. . . . . .

И вот она, строчка, как бред
Природы запутанной лонца,—
Ракетою вспорот рассвет,
Еще не законченный солнцем.
Счет времени — на мгновенья, —
Регламент приказа,—а тут
Деревенеют колени,
Подтягиваясь к животу.
Мечутся, ползают пальцы,
За пядями щупая пядь,
Словно не мне подниматься,
А велено... Землю подняты
Оборвана связь с прошлым,
Веселым, больным, хорошим...
Осталось нас в мире двое—
Это я с дорогой боя,
От серых окопов до сопки,
В которой шагов две сотни,
И поворот не помечен
В холодную бесконечность...
Бой не прощает ошибки,
Расплата жестока за страх...
Спасибо тебе за рыбку-
Улыбку и травку в губах...

. . . . . .

Мы вышли в разведку боем,
Она-то уж знача стонт
И пота, и крови, и зла,
И риска с бедой пополам.
Не просто принудить врага —
Атака нужна, не трезвоны! —
Чтоб выложил к нашим ногам
Он скрытую оборону.
Мы зверя дразнили. Дразня,
Желали огня и огня...
А пули от нас не таят,
Где трассы их—ниже ль, выше...
Когда просвистит — не твоя,
Свою не дано услышать...
Две сотни шагов, две сотни,
Две... до нужной нам высоты,
А воздух, как войлок, плотный,
Он будто нарочно соткан
И брошен к ступеням крутым.
А кочки и камни — петли,
Расставленные на пути.
И нету горше на свете
Застрявшего крика в груди.
И нет хлопотливей работы,
Чем эта, что выдана нам.
И нет солонее пота,
В котором дымится спина...
Доли и доли мгновений,
Судеб и воли сплетенья.
Вот оно, вот оно дышит
Болью, сомненьями, верой,
Время, которое вспышкой
Молнии можно лишь мерять,
Разметала листья гроза—
Людских представлений скудость.
Что было по силам часам,
На плечи легло секундам.
Страшна спираль круговерти
В движенье, все, полете,
Но в память входит, как в сеть,
Сердцу неждапное что-то.
Такому ли быть и когда?..
Упасть и не камень седой,
А птичье гнездо увидать,
Потрогать рукою гнездо,
Тепло ощутить пушинок
В море душистом полынном...
Очнувшись потом, невзначай
Заметить и кровь из плеча...

. . . . . .

Верю, подкошенный пулей,
Ты видел виденья свои...
Вечность теперь в карауле
Над ними бессменно стоит.
Может быть, думал тогда ты,
Признаться, пройдя под огнем,
Что не был ты тертым-мятым
И стреляным воробьем?..
Нам с теперешней высоты
Кому посылать вопросы?..
Годы погасшие костры
Песком забвенья заносит.
Острые камушки глаже,
Округлее день ото дня.
Граненными краше даже
Становятся, песней звенят...
А песне не надо лоска,
Не нужен грань ильщик и стол.
И в песню ты эту просто,
Как верное слово, вошел...

г. Абакан.

Рассказ

МАМА ВИЯ

Лариса КАТАЕВА

Светлой памяти матери моей, Катаевой Антонине Семеновне, посвящаю.

В АВТОБУСЕ тряслись муж и жена, пожилые, грузные люди. Торопились на похороны. Это они упросили директора совхоза дать старенький автобус, чтобы побыстрее добраться до станции. Горестную телеграмму получили поздно вечером; вечером же, на скорую руку, собрались в путь. Рейсовый должен прибыть утром. Тогда они опаздывали на самолет.

Баба всю дорогу всхлипывала, вытирая платком красные глаза, распухший нос. Мужик молчал, тяжко вздыхая.

Вскарабкавшись на очередной холм, автобус не пожелал двигаться. Видимо, снова что-то «заболело» у него внутри, а, может, он уже и «умирал» от старости, остановился. Как ни кудесничал шофер, какими ласковыми и злыми словами ни уговаривал машину, она не тронулась с места. Оставалось ждать утра, при свете «залезть под колеса»...

— Вот и приехали! — сплюнул шофер в сторону. — Отмашинькались! Пойду, погляжу, может, огонек где светит... Всю ночь в степи сидеть — околеешь! Ночи холодные. В этих местах кошары должны быть. А то костер придется жечь до утра.

В автобусе сидели в глубоком молчании. Минут через пятнадцать шофер вернулся:

— Повезло! Не так далеко, только с горки спуститься, в ложбинку, по-моему, кошара стоит. Собаки чают.

В необозримой степи далеко-далеко мерцал огонек, и чем ближе к нему приближались запоздалые путники, он отдалялся все дальше и дальше...

Овчарки подняли неистовый лай как только начали подходить к вагончику загону для овец.

Из вагончика вышел с фонариком старик-хакас.

— Сы-ыйт!.. — послышался хрипловатый голос. — Сы-ыйт! Язбалар! Кем анда?

— Это мы! Автобус сломался! — раздалось в ответ.

— Я тумай, кого дают? Волк не должна быть. Стрелял Изенео! Сы-ыйт!

Старик отогнал собак, широко распахнул перед гостями двери.

Путники присели. Баба снова заплакала, прижимаясь к мужниному плечу.

— Маша, ну, будет, будет... Слезами горю не поможешь, — поглаживал он ее, как ребенка, по седой голове.

— Какой горе?! — исполошился чабан.

— Да вот, на похороны едем. Мать умерла.

— Ты бы, Маша, прикорнула. Отдохни немного. Дорога еще длинная. А я посижу.

Василий закурил, вполголоса заговорил с чабаном:

— Хорошая у нас мать была. Таких женщин поискать! Сама доброта.

Подбрасывая в печь дрова, старик согласно закивал головой. Он обстоятельно, со знанием дела, набил трубку табаком, прикурил. Вспыхнувшая спичка высветила глубокий шрам на щеке старика.

— Откуда это? — поинтересовался Василий.

Старик вздохнул, нехотя ответил:

— Война была. Горе было. Много народ пропал. Будь она трижды проклята, эта война!

— Да... в каждый дом война принесла страдание, горе... — задумчиво произнес Василий. — Вот и Маша моя такое в детстве испытала, что и во сне не приснится... Мать не родная Маше. В войну в лагере смерти, Саласпилсе, чудом уцелели обе...

КАК СКОТ согнали. Под конвоем вели день и ночь песчаными тропами, среди вековых зеленых сосен, вдоль побережья Рижского залива. Клубились ли черные тучи, моросил ли дождь, палило ли нещадно солнце, падал ли мокрыми хлопьями снег, шла, пестрой лентой извиваясь, в неведомое... Что ждет? Не знали.

Не знали, что значит ложиться в грязь, вставать и вновь ложиться, прыгать на корточках, стоять часами с поднятыми вверх руками...

Не знали, что увезут в душегубках в никуда... Тысячи и тысячи повесят, расстреляют. Из детей-малюток польется медленной струйкой кровь для нужд немецких госпиталей. Ослабевших умертвят ядами...

Они еще ничего не знали, шли вперед с предчувствием огромного непосильного горя, неимоверных страданий, свалившихся на плечи.

Качалось небо... О чем-то перешептывались сосны в вышине, мелькали неброские увядшие цветы, редкими островками по обочинам дороги проглядывал черничник. И тот, кто шел впереди, осторожно срывал две-три ягодки, оставляя позади идущим. До ряби в глазах, до невозможного, хотелось пить. Ягода не утоляла жажду.

В длинной веренице плелась с малолетней дочкой жена красного командира, русская Анна. Рядом шагала ее подруга: высокая, светлокосая латышка Вия, с двумя, стянутыми веревкой, узелками за спиной.

Девочка еле волочила ножки, они не хотели слушаться, вязли, утопали в песке. Правый красный башмачок спал... и где-то затерялся в нескончаемой дороге, левый она бережно прижимала к груди, как любимую куклу, и не хотела расставаться с этой странной игрушкой. Серые, сухие, потрескавшиеся губы девочки беспрестанно просили воды. Анна смачивала кусок тряпицы в остатках мутной влаги, которую как зеницу ока берегла в небольшой бутыли, прикладывала, мокрую, к губам ребенка.

— Мамусенька! Я пить хочу водички дай! — умоляла девочка.

— Маленькая моя, совсем ты ножки стерла. Ну, сглотни слюнку, и тебе полегче станет. Сейчас я тебе губки намочу.

— Аня, давай я ее понесу. Тебя уже качает...

Вия подхватила Машеньку, приголубила у высокой груди. Девочка сразу впала в беспамятство.

— Los! Los!—то и дело слышались окрики часовых.

Пыльная дорога углублялась в сосновый лес... Подкашивались ноги, сплошь покрытые кровавыми мозолями, с трудом передвигались, неся изможденные тела взрослых и детей.

И порой казалось: ноги отделялись от туловища, сами по себе брели по дороге, туловище оставалось где-то там, позади... Остановиться, перевести дыхание никто не имел права.

— Аня, что с тобой? Ради бога, не останавливайся. Ну, обопрись на меня! Аннушка что с тобой?!

Совсем обессиленная, Анна прислонилась к плечу подруги:

— Плохо... Сердце... Побереги Машеньку... Это все... Господи!.. — успела проговорить Анна.

Она медленно сползла на желтый песок, узловатые корневища деревьев.

Автоматная очередь прошила уже мертвое тело молодой женщины.

И осталась лежать Анна на обочине дороги, в чахлом вереске, с незакрытыми бездонными глазами, устремленными в бездонное небо...

А Вия несла ее дочь все вперед и вперед, в горнило ада...

К ПОЛУДНЮ привели к воротам. Двойные заграждения из ржавой колючей проволоки. Сторожевые вышки с пулеметами. В три ряда бараки для заключенных. В каждом — по восемьсот человек... Люди спали на нарах в четыре, пять ярусов, задыхаясь от недостатка воздуха. Многие пленные и зимой жили под открытым небом, спасаясь от холода, рыли норы в земле, грызли кору на деревьях. Каждый, кто заболевал, мог считать себя обреченным. Виселица, карцеры со множеством бункеров, в которых можно сидеть только скорчившись, — для смертников.

Вновь прибывших выстроили в ряд. Из комендатуры вышел вылощенный офицер, приказал:

— Слушайт всем! Дети — вперет!

Над пустырем повисла мертвая тишина. Никто не сдвинулся с места. Вия прижала Машеньку, ее серые глаза наполнились отчаянием, страхом, нечеловеческой болью...

Поднялось невообразимое. Криком, воем, проклятиями на разных языках огласился пустырь. Матерей невозможно было оторвать от детей, детей от обхвативших за шею матерей.

Немцы посовещались.

Эсэсовец вынес большой эмалированный бидон. Офицеру подали кружку.

— Кто будейт слушайт, будейт получайт молошко. Какой карошай дейвошка, — обратился он к Машеньке. — Иди, иди, — поманил он ее длинным пальцем, — молошко дейвошка хочейт?

Девчушка потянулась дрожащими ручонками к кружке.

Вия не в состоянии была более сопротивляться, удерживать ребенка, опустила девочку на сырую землю, и Машенька пошлепала навстречу своему будущему...

— Какой карошай дейвошка, — погладил эсэсовец по русой головке. — Пей молошко. Какой карошай дейвошка!

Машенька с жадностью опорожнила кружку.

Следом потянулись другие детские руки:

— И я хочу!.. Я!..

Матерей успокаивали: «В «детском бараке» будейт очень карашо, будейт лечийт, будейт чисто, будейт молошко».

Все могла вынести Вия, но когда видела, как Машенька после каждого переливания крови угасает на рваных лохмотьях, это было выше всех сил.

Ночью, тайком, под угрозой расстрела, пробиралась в «детский барак», отыскивая девочку среди других обездоленных, умирающих детей, совала что-нибудь из съестного, припрятанного, в протянутые забинтованные ручонки. Потом уже совала всем подряд, а истощенные дети просили и просили:

— Тетечка, подненькая, и мне дай, и мне... Тетечка!..

Когда уже нечего было дать, Вия бежала, сломя голову... Вдогонку, со всех сторон, шептали:

— Тетечка, и мне, и мне...

С колотящимся сердцем заползала на нары, затыкала уши, в виски стучало: «И мне, и мне...»

✦ ✦ ✦

— Маша осталась жива. Как только наши освободили узников, Вия, едва держась на ногах, вынесла смерщенный, обтянутый кожей детский скелетик, который назывался № 11284. Удочерила, выходила, вырастила. Еще долгие годы боялась Маша людей в белых халатах... Из двенадцати тысяч детей Саласпилса семь тысяч погибли в лагере... И вот сейчас мама Вия умерла,.. — заканчивал свой рассказ Василий. — После женитьбы мы с Машей ездили туда, с ребятишками, их у нас трое. Сейчас в Саласпилсе мемориальный музей. Где стоял «детский барак» цветет шиповник. На каменную плиту туристы кладут цветы, игрушки, конфеты, апельсины. Где стояла виселица, слова запомнились на всю жизнь: «Здесь людей казнили за то, что они были невиновны. Здесь людей казнили за то, что каждый из них был человеком и любил Родину...».

У вагончика послышался гул мотора. Залаяли собаки.

— Кто-то едет...

— Будите хозяйку, — растирая затекшие ноги, поднялся с табурета чабан. — Пойду, собак отгоню.

В вагончик ввалился продрогший шофер.

— А ну, живее, живее собирайтесь! Где наша не пропадала?! Может, успеем.

Старик-чабан, сгорбившись, стоял у вагончика, из-под ладони смотрел вслед отъезжающему автобусу. Его припрятанного, в протянутые забинтованные ручонки. Потом уже совала всем подряд, а истощенные дети просили и просили:

— Тетечка, подненькая, и мне дай, и мне... Тетечка!..

Когда уже нечего было дать, Вия бежала, сломя голову... Вдогонку, со всех сторон, шептали:

— Тетечка, и мне, и мне...

С колотящимся сердцем заползала на нары, затыкала уши, в виски стучало: «И мне, и мне...»

✦ ✦ ✦

— Маша осталась жива. Как только наши освободили узников, Вия, едва держась на ногах, вынесла смерщенный, обтянутый кожей детский скелетик, который назывался

ЗА ОКНОМ неумолимо занимался рассвет. Поблекли звезды в первозданной синеве. На востоке, у самой кромки горизонта, зазеленело небо. Еще мгновение...— и над землей появится золотой гребень солнца, его лучи заполонят мир ярким радостным светом.

Редактор
В. Г. БРЮЗГИН

К СВЕДЕНИЮ ЖИТЕЛЕЙ АБАКАНА

9 мая, в 12 часов, на стадионе «Строитель»—театрализованный праздник
«ЭТО НАША ПОБЕДА»
Вход по пригласительным билетам.

КИНО

«ОКТЯБРЬ»
К 40-летию Великой Победы.
ДЕЙСТВУЯ ПО ОБСТАНОВКЕ
Начало: 9.00, 10.30, 12.00 (удл.), 14.20 (дет.), 16.00, 17.30 (удл.), 19.50, 21.20.

«ПОБЕДА»
Большой зал
Новый цветной художественный фильм производства Литовской киностудии
ОТРЯД
Начало: 8.20, 12.10 (удл.), 15.00 (дет.), 17.00, 19.00, 21.00.

Детям:
РЕСПУБЛИКА ШКИД
Начало: 10.00

«ЮНОСТЬ»
Новый цветной художественный фильм производства киностудии им. Довженко.
У ПРИЗРАКОВ В ПЛЕНУ
Начало: 17.00, 18.40, 20.20.

Абаканский горком КПСС, исполком горсовета с глубоким прискорбием сообщают, что после тяжелой болезни на 65-м году жизни скончался член КПСС с 1946 года, ветеран Великой Отечественной войны и труда

ЧЕРНОУСОВ
Василий Федорович,

и выражают соболезнование родным и близким покойного.

Администрация, партийная организация и профком дорожно-строительного управления Хакремстройтреста с прискорбием извещают, что после тяжелой болезни скончался пенсионер участник Великой Отечественной войны, член КПСС с 1940 года

ЦАРЕВ
Василий Прохорович,

и выражают искреннее соболезнование родным и близким покойного.

НАШ АДРЕС: 662600, г. Абакан, ул. Щетинкина, 34.

Газета отпечатана в укрупненном полиграфическом предприятии «Хакасия». А01124